

Сегодня в гостях у «Факела» народный артист СССР Игорь Олегович ГОРБАЧЕВ — художественный руководитель Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина, заместитель председателя Советского комитета защиты мира.

— Вы много лет работаете в театре. В чем, на ваш взгляд, главная задача театрального искусства?

— Во влиянии театрального действия на воспитание нравственности. Наш театр — первый профессиональный театр России — играет 225-й сезон, и влияние это было всегда очень значительным. Театр для зрителя — не только развлечение, не одно лишь удовольствие. В театр приходят для того, чтобы сверить свой личный опыт с тем, что происходит на сцене. На той площадке, где решаются насущные вопросы — от философских до интимных. Как жить? Как любить? Как остаться порядочным? Как дружить? У театра своя специфическая роль в воспитании нравственности. Информация из книги, радиоприемника или телевизора, из лекции обращена к разуму. Этой информации предстоит долгий путь, пока она осмыслится человеком, возможно, и выстрадает им, и лишь затем станет его убеждением. А в театре информация обращена к чувству, доходит мгновенно. Как инъекция в кровь! И организм либо принимает ее, либо отторгает. Вот как раз умение проникнуть в душу моментально, минуя абстракцию, и делает колоссальной воспитательную миссию театра. Однако и ответственность за оружие, которое в наших руках, колоссальна: мы — в своих пределах, разумеется, — отвечаем за духовный мир сегодняшнего и завтрашнего человека.

— Театр имени А. С. Пушкина, в «Онегине» воспетая «Александринка» всегда предлагали современнику острые вопросы, неоднозначные ответы... И хотя признание — и в прошлом, и теперь — получает не каждая работа коллектива, все же интерес зрителей не ослабевает, любовь не стынет... В

чем причина этого постоянства, как вы, Игорь Олегович, думаете?

— Самое простое объяснение было бы в том, что для Ленинграда этот театр — такой же символ, как Адмиралтейство, как Летний сад... Но главное в другом! «Александринка» всегда была со своим народом — и в тяжелые времена, и, так сказать, «во дни торжеств». Отсюда и постоянная современность театра. Да, успех к нам приходил не всегда, но и зритель не было. Был поиск! Не случайно именно на нашей сцене впервые поставили и пьесы Фонвизина, и «Горе от ума», и «Бориса Годунова», и самую критичную пьесу Писемского «Горькая судьбина». Наш театр назывался императорским, но после премьеры царь гоголевского «Ревизора» царь сказал из своей ложи: «Всем досталось, а больше всего — мне!». Сейчас эти авторы — классики, но к нам они приходили еще безвестными, приносили свои пьесы, написанные гусиными перьями, и оказывалось, что они писали на века! Надо было суметь разглядеть... Да и сейчас, кстати, когда приносят в театр пьесу, написанную теперь уже «вечным пером», надо уметь отличать одну от другой... Всегда в «Александринке» параллельно с официальной, сверху навязавшейся парадностью развивалась народно-демократическая линия драматургии. И после Октября у нас впервые пошла «Бронепоезд 14-69» Иванова, «Конец Криворыльска» Ромашова, «Чудак» и «Страх» Афиногенова, «Фронт» Корнейчука, «Нашествие» Леонова... Нет, не зря наш театр называют «лабораторией советской пьесы!» Мы утверждаем жизненную правду на сцене, но и романтичность, и возвышенность чувств и помыслов. Между прочим, в кабинете художественного руководителя висят портреты трех наших актеров — Юрьева, Давыдова, Черкасова — и в этом проявление верности той позиции театра, которую они олицетворяли: глубочайший реализм и народность, романтизм и гражданственность. И зритель платит нам любовью за эту верность.

Наш собеседник

СВЯТОЕ ПОЛЕ ТРУДА

У каждого из нас есть в жизни цель. По крайней мере, у каждого она должна быть: без идеалов трудно жить, без стремления к ним личность может не состояться. Оттого мы постоянно сверяем себя с выбранным идеалом, свой курс прокладываем по ориентирам — эталонам. И ищем подспорья у любимых героев из книг, из фильмов, из спектаклей. Да оно и закономерно: искусство всегда учит гуманизму, утверждает добро, общественную пользу и красоту. Наверное, для настоящего художника нет проблемы «искусство или жизнь», но есть «искусство в жизни» и «жизнь в искусстве». Оттого лучшие художественные образы уходят с экрана, из книг, со сцены — в живую жизнь — к современникам и к потомкам. И оттого лучшие наши художники — всегда пропагандисты.

— О чем бы ни шла речь на сцене, в какую бы эпоху ни переносил сюжет, спектакль разыгрывается перед современниками, обращен, как вы сами только что сказали, к их душам. Значит, в зону особого внимания попадают вопросы формирования новой нравственности...

— История нашей страны — история подвига. Октябрьская революция, гражданская война, Великая Отечественная, борьба с разрухой, борьба за целинный хлеб или выход в космос... Это требовало громадного напряжения сил, но мне кажется, что воспитание новой нравственности — работа несравненно более трудная. Хотя бы уж потому, что более долгая. По моему, все наши сегодняшние беды — беспомощность, неумение, бюрократизм, коммунанство, лицемерие, «блаты» — все они проистекают из несовершенства нашей нравственности. И это понятно: перестроить сформировавшиеся за тысячелетия привычки и убеждения очень нелегко. Ленин был глубоко прав, говоря, что линия борьбы за коммунизм проходит в области нравст-

венной! Потому для театра, который утверждает новые моральные ценности, очень важно видеть историческую перспективу, не сдавать позиций исторического оптимизма.

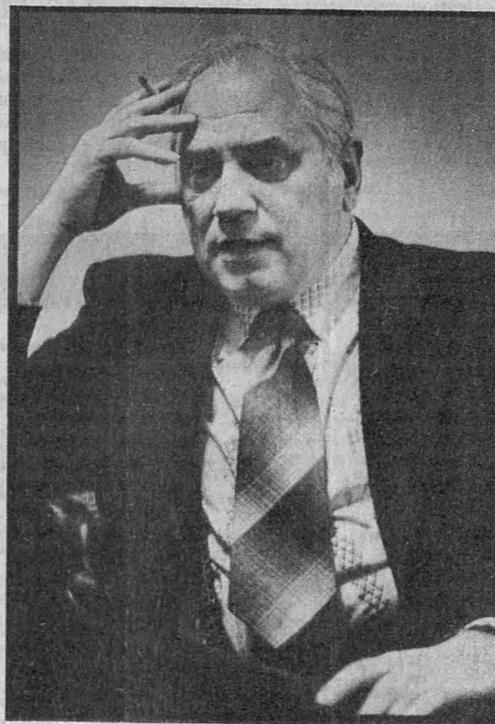
— Формирование нового человека немисливо без пристального внимания к молодежи. Что вам как руководителю коллектива и как многоопытному вузовскому педагогу нравится в сегодняшних молодых людях? Что беспокоит, тревожит?

— Нравится образованность, точнее, ее информированность, нравится дерзость в творчестве. А что тревожит... Знаете, в старину было такое понятие: «рукоподаваемый человек». Мне вот кажется, что иные юноши чересчур примиренчески настроены, готовы все понять и все принять, короче, всем руку подарят. И теряют при этом чувство чести, достоинства. Как-то незаметно расплываются границы... Не слишком ли усердно наши юные подгоняют себя под стандарт, диктуемый чаще всего скоротечной модой? А ведь при этом они теряют

свою самобытность. Меня беспокоит их «запрограммированность» на исключительное собственное благополучие, их практицизм — ради практицизма, а не во имя общественных идеалов. Я думаю, что их беда в отсутствии ответственности за дом, за семью, за любимую женщину... Создается впечатление, что некоторые наши молодые люди вытянули перед собой руки, им положили — как поленья — их права, а на обязанности рук уже не хватило. Так с вязанкой прав и ходят...

— А может быть, «корень» в том, что мы стали богаче жить? Недаром же кругом столько говорят о «вещизме», о бездуховности...

— Мы выработали свою мораль, первая заповедь которой гласит: «Человек человеку — друг, товарищ и брат». Прекрасная мысль, но сделать ее всеобщей, внедрить в сознание каждого — задача на долгие времена. Есть у нас и подлость, и собственнический инстинкт, и физические болезни еще не все побеждены... Я вспоминаю свои детство и юность. Честное слово,

мне иногда милее «коммуналка» с ее по-своему уютным бытом и общительностью, нежели наши разроженные отдельные квартиры! Нет, конечно, я вовсе не ратую за общую кухню, за гимнастерку как единственный наряд. Но мне жаль, что телефон сумел нас отдалить друг от друга: мы уже не едем в гости, но «общаемся» с телефонной трубкой. Телевизор подарил нам весь мир и отдалил конкретного человека... Транзистор вывел в область преданий семейное музицирование — потрясающее злодейство! Как и то, что мы разучились писать письма. А ведь культура письма — это и культура мысли. В письме человек осознавал себя, четко себя — и мир! — анализировал... Буржуазный мир, внимательнейшим образом следивший за нами, заметил этот процесс «замыкания на себя» и немедленно подsunул нам свои собственные модели. Иные из нас, не разобравшись, позабывали западным образцам, поддались — и потеряли себя...

Недавно я читал со студентами пьесу Маяковского «Клоп». Там, если помните, обывателя конца 20-х годов размаркивают наши современники. Так вот, мне кажется, что сегодня обыватель бросился в атаку — на прилавки, на идеи, на наш образ жизни. Обыватель видит свое счастье в накопительстве и потреблении, но ведь это антинародно по сути! Партия заботится о нашем материальном благополучии — но как раз для того, чтобы мы с вами не возводили его во главу угла. Чтобы высвободили себе время для творчества, для гармонического развития. Не в новом шкафу счастье! Оно в домашнем тепле, в интересной, тебе и обществу необходимой работе. Лично для меня формула счастья проста: чтобы утром хотелось на работу и чтобы вечером хотелось домой. И у нас, я уверен, у каждого из нас, есть для этого условия (ну, разве что тяжелая болезнь может помешать — но это частный случай). Сегодня работа о человеке — государственная забота. Ибо несчастный, обозленный, ущербный

человек распространяет «гены несчастья», а это уже общественное зло.

— А Козьма Прутков говорил: «Хочешь быть счастливым — будь им!».

— И правильно говорил! Человек обязан найти свое счастье, если он нравственно здоров. Нужно лишь упорство. И, конечно, труд. По наитию, по «счастливому билету» долго прожить счастливо еще никому не удавалось. На святом поле труда всходит человеческое счастье!

— Но, Игорь Олегович, разве вы не видите, что часть нашей молодежи поражена бациллой дилетантизма, что порой работает по принципу «сойдет», кое-как?.. И нет ли связи между дилетантизмом и инфантильностью, а то и просто бездуховностью?

— Я считаю, что мужчину делает мужчиной умение работать классно, владеть, если угодно, шиком профессии. О женщинах судить не берусь, но когда она в состоянии создать в семье «зону комфорта», она достойна поклонения. Нам же, сильному полу, нужно быть мастерами своего дела — какое то себе выбрал, в любой специальности. Этой жажды высокого профессионализма мне у молодежи недостает. Отсюда и дилетантизм, поверхностность. Мне иногда студенты заявляют: «Я понял, значит, я умею!». Но между пониманием и воплощением еще пропасть! И ее надо заполнить — трудом, и тяжелым. Чтобы сделать свою работу виртуозно. Тогда ты — мастер и тебя уважают. Однако к дилетанту не приходит любовь к труду. Озарение, мигнущее вдохновение — да, случается. Но вот Пушкин замечал, что не любит «потную бабу вдохновения»: «Поработаешь раз со сто, тогда будет просто!». Дилетанту остается или ждать порыва вдохновения (а будет ли оно вообще?!), либо пратить себя в словоблудии, в демагогии. Наверное, это и от безответственности происходит — перед собой, перед своими способностями и перед обществом. А ведь оно заинтересовано в твоих способностях, и твой гражданский долг — реализовать их полностью! Ко-

гда же видишь, как утверждают себя не за счет существа вопроса, но только за счет спекулятивности, конъюнктурности его — становится мерзко на душе. Вольно или невольно дилетант распространяет застои, духовную холодность. Ибо мало интуитивно почувствовать новое, надо суметь еще его внедрить. Для этого нужно потрудиться, но дилетант не умеет... Всякое новое — и в искусстве в том числе, — рождается из того, что человек великолепно овладел старым. Если в старом стало тесно, как в почке на ветке, — тогда взорвал, раздвинул стенки новый росток. А всякие кушштки, изыски, псевдоннации — лишь отвлекающие маневры бездуховности. Николай Акимов называл «головотяпством со взломом» потуги на новаторство, не вызванное, не обусловленное духовной потребностью! Вот и в театре, в конце-то концов, важен не набор выразительных средств, а... «последствие». То есть то, что вынес зритель после спектакля, что осталось в его душе после того, как ушел занавес в финале. Без «последствия» все холодно, бессмысленно, как орех без ядра. И, по сути своей, вне времени.

— Круг вопросов, которые мы сегодня обсуждали, как или иначе, Игорь Олегович, очерчен вашей работой в театре и вашей гражданской позицией. Но ведь с годами — простите за чуточку «провокационный» вопрос! — взгляды могут меняться?..

— Просто я из тех, кто очень верит в нашу идею. И хотя подчас я серьезно забочен тем, как она проводится в жизнь, это не мешает мне в нее верить. Жизнь драматична, однако и пессимизм, и лакировка — кровные родственники вранья. Нельзя выдавать фурункулу за раковую опухоль, но и не замечать фурункула тоже вредно. А что до изменений взглядов с годами, то они, конечно, могут уточняться. Однако пост призывал: «Ни единой долькой не отступаться от лица, но быть живым...». Вот и все!

Беседу вел Лев МАРНИН.